

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ДОБРОЛЮБОВА

Н. Сладкевич

Середина прошлого столетия ознаменована большими изменениями, происходившими в социально-экономической и общественно-политической жизни России. В стране шло развитие капиталистических отношений, предвещавших падение крепостничества. Ярким выражением растущего кризиса феодально-крепостнической системы являлось всё усиливавшееся, особенно с периода Крымской войны, движение русского крестьянства против помещичьего гнёта, охарактеризованное Марксом в письме к Энгельсу от 11 января 1860 г., как одно из величайших исторических событий того времени¹. Борьба крепостных крестьян за своё освобождение нашла горячий отклик среди демократической интеллигенции, выступившей тогда на политическую арену в роли авангарда народных масс. Сильное брожение крестьянства, принимавшее местами характер вооружённых столкновений с помещичьим государством, крупные выступления студенчества, перекликавшиеся с крестьянскими волнениями, возникновение тайных кружков, притягивавших к себе наиболее активные элементы передовой русской молодёжи, распространение в обществе прокламаций, призывавших к свержению самодержавной власти, рост оппозиционных настроений в либеральных слоях, напуганных размахом народной борьбы, — всё это со всей очевидностью свидетельствовало о приближении революционной бури в России. С назреванием революционной ситуации ускорялся процесс идейного размежевания борющихся в стране общественных группировок. Всё яснее определялись позиции представителей господствующих классов, стремившихся проведением реформы найти выход из кризиса, переживаемого страной, предотвратить революционную ломку крепостнических порядков, приспособить помещичье хозяйство к развитию капитализма. Всё более чётко оформлялись и взгляды деятелей демократического лагеря, делавших ставку на народную революцию, могущую вывести страну на широкую дорогу прогресса.

В атмосфере идейной революции в России в 50—60-х годах XIX в. наблюдается повышенный интерес к истории, в которой представители различных общественных группировок настойчиво ищут ответа на вопросы, со всей остротой вставшие перед страной, и прежде всего на вопрос о путях её развития². История становится всё более действенным оружием политической борьбы в стране. И чичеринская схема закрепощения и раскрепощения, и государственная концепция Соловьёва, и аксаковская теория мирного сожительства царя с народом ярко отрази-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 115. Госполитиздат. 1947.

² К истории, отмечал Забелин в 1861 г., как сокровищнице «фактов дел человеческой жизни», общественные круги России прежде всего и обратились «за разрешением возбуждённых вопросов» (Забелин И. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 2-я, стр. 12. М. 1873). Об огромном интересе к истории свидетельствует в своих «Записках» и С. М. Соловьёв, считавший, что основной причиной, побудившей его на много лет заняться своей 29-томной «Историей России», издававшейся начиная с 1851 г., являлись потребности времени, требования общества, жаждавшего, по его словам, «иметь русскую историю полную и написанную» (Соловьёв С. Записки, стр. 141. 145).

ли классовые вождедения дворянско-буржуазных кругов в период подготовки и проведения реформы и служили задачам борьбы против угрозы крестьянской революции. Революционная демократия противопоставила дворянско-буржуазной историографии свою концепцию исторического развития, разрабатывавшуюся под прямым влиянием социально-экономических отношений русской действительности того времени, когда страна вступала в новую эпоху, шедшую на смену крепостничеству, когда, по замечанию Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»³.

«Главным и определяющим источником исторических взглядов деятелей революционно-демократического лагеря во главе с Чернышевским и Добролюбовым, как и их социально-политических и философских воззрений, явилось мощное освободительное движение народных масс России против самодержавно-крепостнического строя. Историческая концепция Чернышевского и Добролюбова поставлена была на службу интересам народа. Она проникнута была чувством пламенного патриотизма, красной чертой проходящего через всю их деятельность. «Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами Родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма»⁴ — эти замечательные слова Чернышевского, содержащиеся в IV главе его «Очерков гоголевского периода русской литературы», со всей ясностью показывают, как подходили великие русские революционные демократы к оценке деяний людей, вписавших своё имя в историю России, наглядно свидетельствуя о том, в чём видели они смысл и своей жизни. Идея патриотизма, являвшаяся, по меткому определению Чернышевского, пафосом всей жизни Белинского⁵ была могущественной силой, вдохновлявшей и Чернышевского и Добролюбова, направлявшей все их помыслы на то, чтобы «содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества»⁶. С законной гордостью Чернышевский незадолго до своей смерти заявлял: «Я хорошо служил своей Родине и имею право на признательность её»⁷. Патриотизм великих русских демократов включал в себя как свою неотъемлемую часть жгучую ненависть к врагам народа, к его внешним и внутренним поработителям. Он направлялся своим острым краем против всего, что препятствовало возвеличению русского народа. Этот патриотизм находил своё выражение в неустанной борьбе демократических кругов России за революционное преобразование страны, за превращение её в страну передовой культуры, науки, техники, в страну, показывающую путь другим народам. ✕

Революционно-демократическое понимание патриотизма основывалось на горячей вере в русский народ, высокой оценке национальных качеств русского человека, выработанных на протяжении многовекового исторического пути. Изучение героических страниц истории России привело революционных демократов к твёрдому убеждению, что патриотизм является качеством, органически присущим русскому народу. «Русский, у кого есть здравый ум и живое сердце. — заявлял Чернышевский, — до сих пор не мог и не может быть ничем иным, как патриотом»⁸. У русских людей, указывал он, «чувство национальной гордости развито необыкновенно сильно, как ни в одной из других цивилизованных наций»⁹. Многовековой гнёт, тяжёлые испытания, указывали революционные демократы, не сломили русский народ, не исказили мужественные, благородные черты его характера. Русский народ, писал

³ Ленин. Соч. Т. II, стр. 315.

⁴ Чернышевский Н. Соч. Т. II, стр. 121. 1918.

⁵ Там же, стр. 122.

⁶ Чернышевский Н. Литературное наследие. Т. II, стр. 44. 1928.

⁷ Там же. Т. III, стр. 351. Гиз. 1930.

⁸ Чернышевский Н. Соч. Т. II, стр. 122.

⁹ Там же. Т. I, стр. 367.

Добролюбов, «посреди всех обезличивающих, давящих (убивающих) отношений» сумел сохранить «основные черты свои». В народе таятся великие силы. В народных массах скопилось много «энергического и отважного элемента»¹⁰.

Подлинные поборники национального достоинства русского народа, Чернышевский и Добролюбов вслед за своим великим предшественником Белинским, упорно боровшимся с «беспачпортными бродягами в человечестве», выступали непримиримыми противниками космополитизма. Немало гневных строк адресовано ими лицам, проповедовавшим национальный нигилизм, нагло клеветавшим на историю России, русскую науку, русскую культуру, рабски благоговевшим перед всем иностранным. Резкой критике подвергал Добролюбов лиц, ударившихся в «ранний космополитизм», утративших связь с русской национальной почвой и совершенно потерявших способность понимать черты характера русского народа. Он обличал презренных космополитов, чуждых чувства национальной гордости, представлявших русского человека величиной только в том случае, «если подставить к нему какие-нибудь (иностраные) цифры»¹¹.

В своём сатирическом произведении, не увидевшем света при его жизни, носящем язвительное название «Что о нас думают в Париже», Добролюбов едко высмеивал представителей так называемого «хорошего общества», дороживших своей репутацией в Париже больше, чем мнением о них в России, и трепетавших перед «европейскими знаменитостями», чаще всего оказывавшимися самыми посредственными личностями¹².

Силу ударов Чернышевского и Добролюбова испытали и типичный западник, ярый космополит Бабст, и западник Чичерин, и восторженный англоман Катков, и глумившийся над гениальными творениями русских писателей, приписывавший им иностранное происхождение Шевырёв, и немало других представителей господствующих классов России, проникнутых духом презрения к русскому народу, его истории, культуре.

В многочисленных острых критических замечаниях Чернышевского о приверженцах западноевропейских буржуазных порядков, находившихся в «фантастической уверенности» в том, что на Западе кругом царят довольство и благоденствие¹³, и отрекавшихся от всего русского во имя приобщения к «западной цивилизации», нельзя не видеть сурового осуждения идеологом русской революционной демократии, великим русским патриотом представителей западнического направления общественной мысли, которые, отстаивая переход России к буржуазным порядкам, пресмыкались перед иностранным, скатились на космополитические позиции. Борьба с космополитизмом — одно из самых ярких проявлений патриотизма русских революционных демократов. Патриотической заботой о судьбах России, о будущем русского народа прежде всего обусловлено было обращение Чернышевского и Добролюбова к вопросам истории. «Наша родная Русь, — писал Добролюбов в своём «Дневнике» 18 декабря 1855 г., — более всего занимает нас своим великим будущим, для которого хотим мы трудиться неутомимо, бескорыстно и горячо... Да, теперь эта великая цель занимает меня необыкновенно сильно»¹⁴.

Вслед за Белинским, называвшим историческую науку «страстью века», «господствующей наукой времени, альфой и омегой века»¹⁵, Чернышевский заявлял, что «не любить истории может только человек, со-

¹⁰ Добролюбов Н. Соч. Т. II, стр. 259.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Т. VI, стр. 202—203.

¹³ Чернышевский Н. Соч. Т. III, стр. 152.

¹⁴ Добролюбов Н. Соч. Т. VI, стр. 396—397.

¹⁵ Белинский В. Соч. Т. II, стр. 238; т. XII, стр. 453.

«вершено неразвитый умственно»¹⁶. История, утверждал Чернышевский, по самому существу своему «самая популярная из всех наук, призывающая к себе всех и каждого»¹⁷. Как и Белинский, Чернышевский и Добролюбов подходили к истории «в живой связи с потребностями общества»¹⁸.

Чернышевский и Добролюбов вскрывали истинный смысл «беспристрастия» в исторической науке. Они разоблачали историков, выдававших себя за исследователей, якобы возвышающихся над людскими страстями и интересами. «Реакционеры, — писал Чернышевский, — называют историка беспристрастным тогда, когда он доказывает, что старинный порядок вещей был хорош»¹⁹. Чернышевский ясно сознавал, что не может быть историка, не имеющего политических взглядов, не принадлежащего «ни к какой партии»²⁰ «Ни один сколько-нибудь сносный историк не писал иначе, как для того, чтобы проводить в своей истории свои политические и общественные убеждения»²¹.

Буржуазная историческая наука на Западе, достигнув вершины своего развития в трудах историков периода реставрации (Тьерри, Гизо и др.) и в философско-исторических воззрениях Гегеля, вступила в полосу кризиса. Возникновение в 40-х годах XIX в. подлинно научного мировоззрения — марксизма, знаменовавшего собой величайший революционный переворот в истории умственного развития человечества, — наглядно свидетельствовало о том, что буржуазная научная мысль, в частности историческая, отжила свой век. Выдвинутые буржуазной историографией в период своего подъема идеи законосообразности в истории и классовой борьбы как движущей силы исторического процесса, обогатившие общественную науку, в середине XIX в. отражали уже не настоящее, а прошлое буржуазной исторической мысли. Виднейшие представители западноевропейской буржуазно-исторической науки, стремясь отстоять существующий социальный порядок и испытывая страх перед ростом сил пролетариата, после революции 1848 г. отказываются от признания классовой борьбы в истории и склоняются к отрицанию закономерности исторического развития. К людям, лишившимся после событий 1848 г. «всякого исторического разумения»²², относил Маркс одного из столпов французской буржуазной историографии — Гизо. Ярко обрисована Марксом и эволюция, проделанная О. Тьерри — этим, по его выражению, «отцом «классовой борьбы» во французской историографии», который в своей последней работе «История образования и развития третьего сословия», вышедшей в 1853 г., старательно затушёвывал классовые противоречия и пытался представить буржуазию как выразительницу интересов всего народа²³. В работах многих буржуазных историков, особенно у представителей немецкой романтической историографии, явственно обнаруживается отход к субъективизму и разрыв со всем лучшим, что было создано буржуазной исторической мыслью в XVIII веке. Отражением кризиса буржуазной науки являлось и распространение с середины XIX в. воззрений, отождествляющих законы общественного развития с законами природы, — идей позитивизма, в его различных оттенках связанного с именами Конта, Спенсера, Тэна, Бокля и других.

Чернышевский и Добролюбов были глубоко не удовлетворены современным состоянием исторической науки. Изучая исторические сочинения, они приходили к выводу, что разработка вопросов истории нахо-

¹⁶ Чернышевский Н. Соч. Т. I, стр. 367.

¹⁷ Там же. Т. II, стр. 419.

¹⁸ Там же, стр. 272.

¹⁹ Там же. Т. IV, стр. 478.

²⁰ Там же. Т. X. Ч. 2-я, стр. 228.

²¹ Там же. Т. IV, стр. 479.

²² К Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 275.

²³ См. там же. Т. XXII, стр. 43.

дится ещё на низком уровне. Хотя Чернышевский в юношеских дневниках отзывался о Гизо с большим уважением, впоследствии он отмечал, что и его трудам присущи узость и односторонность. Консерватизм убеждений, непонимание значения материальных условий в жизни людей, по мнению Чернышевского и Добролюбова, были основными пороками воззрений Гизо. Добролюбов упрекал Гизо в том, что он не видит связи моральной силы с материальной²⁴. В своей статье «Июльская монархия» Чернышевский указывал, что, освещая политическую жизнь Франции, он пользовался «Мемуарами» Гизо только как «предлогом для изложения фактов», но при этом «по совершенно иным источникам и с точки зрения, диаметрально противоположной взгляду Гизо»²⁵. Сочинения Нибура, Шлоссера, заявлял Чернышевский, также нельзя признать удовлетворительными²⁶. Отрицательно отзываясь он и об исторических работах Ранке, которые, по его мнению, заполнены рассуждениями, не подкреплёнными фактами²⁷. «Всеобщая история» Вебера, переводом которой в последние годы своей жизни был занят Чернышевский, оценивалась им с научной точки зрения как дрянь²⁸.

Чернышевский и Добролюбов высоко оценивали русскую историческую науку. Чернышевский видел, например, в Грановском учёного, стоящего не ниже, а выше самых знаменитых западноевропейских историков. В статье, посвящённой I тому сочинений Грановского и проникнутой глубокой симпатией к автору их, как горячему поборнику просвещения, «посреднику между наукой и обществом», Чернышевский пишет, что Грановский не только не уступает, но имеет ряд серьёзных преимуществ по сравнению с западноевропейскими историками, обладая более широким взглядом на историю, её задачи, её метод, являясь учёным, пролагающим в науке новые пути.

В своих исторических воззрениях идеологи революционной демократии исходили из признания общей закономерности и прогрессивности хода исторического процесса. Раскрытые закономерности общественного развития они рассматривали как одно из самых необходимых условий того, чтобы история стала наукой. Они неизменно отстаивали идею общности законов развития всех народов. Чернышевский и Добролюбов являлись непримиримыми противниками сторонников расовых теорий. Их сочинения полны высказываний, направленных против представителей немецкой идеалистической философии и их сторонников в России, делавших народы на «исторические» и «неисторические», на «высшие» и «низшие». Ещё в «Дневнике» Чернышевский отмечал, что он полностью согласен с мнением, высказанным Е. П. Ковалевским в статье «Негриция» о том, что негры «ничем не хуже нас»²⁹. Противоположные же суждения оценивались Чернышевским как полнейший вздор. По мнению Добролюбова, у людей, нормально развившихся, не должно быть мыслей о высшем предназначении одних наций по отношению к другим³⁰. Указывая на наличие общих исторических закономерностей в развитии всех народов, Чернышевский рассматривал и историю России в тесной связи со всеобщей историей. Он подчёркивал, что Россия сыграла огромную роль в мировой истории, что русский народ явился спасителем Западной Европы от татарского нашествия и освободителем её от наполеоновского гнёта.

Полемизируя с Чичериным, не видевшим взаимосвязи политической жизни Западной Европы и России, Чернышевский на примерах Семилет-

²⁴ См. Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 232. М. 1936.

²⁵ Чернышевский Н. Соч. Т. VI, стр. 53. П. 1918.

²⁶ См. там же. Т. II, стр. 409.

²⁷ См. Чернышевский Н. Литературное наследие. Т. III, стр. 399. Гиз. 1930.

²⁸ См. там же, стр. 400.

²⁹ Чернышевский Н. Соч. Т. I, стр. 234. М. 1939.

³⁰ См. Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 226.

ней войны, французской революции, наполеоновских войн, деятельности Священного союза показывает тесное переплетение хода исторического развития России и Западной Европы³¹. Чернышевскому и Добролюбову чужды были как чаадаевская, так и славянофильская концепции исторического развития с их антитезой Запада и Востока. В своей статье об «Апологии сумасшедшего» П. Я. Чаадаева³² Чернышевский отмечал своё явное несогласие с чаадаевскими воззрениями на историю России, воззрениями глубоко порочными, в тёмных красках обрисовывающими прошлое русского народа, широко использованными впоследствии реакционными историками.

«Он смотрел на русскую историю,— писал Чернышевский о Чаадаеве,— как не должны смотреть мы»³³. Попутно заметим, что, находя взгляды Чаадаева на историю России во многом зависевшими от состояния исторической науки в России в первые десятилетия XIX в., когда сведения по русской истории черпались главным образом из сочинений Карамзина, Чернышевский вместе с тем видел, что «Философические письма» Чаадаева, вызревая в гнетущей обстановке, наступившей в стране по воцарении Николая I, отразили пессимистические настроения, характерные для части русского общества после разгрома декабристов³⁴. Чернышевский уловил связь между общественной атмосферой в России после восстания на Сенатской площади и чаадаевской концепцией исторического развития России и Запада, приведшей автора «Философических писем» к идеализации католичества, свергшей его на порочный путь космополитизма.

Резко отрицательно относились Чернышевский и Добролюбов и к славянофильской схеме исторического развития, пронизанной духом узкого национализма и преклонения перед догматами православия.

Глубокое убеждение идеологов революционной демократии в общности мирового исторического процесса сочеталось с пониманием ими наличия отличительных черт в истории каждой страны, каждого народа. Ими не мыслилось историческое развитие вне национальных форм. Вне национальностей, указывали они, речь может идти о чисто внешней жизни, не оставляющей сколько-нибудь заметного следа в истории. Отмечая, что прогресс совершается в национальных формах, и хорошо сознавая своеобразие исторического пути России, они призывали русских людей к полному и всестороннему развитию своих национальных черт, своей умственной жизни.

Рассматривая проблему закономерности исторического процесса, Чернышевский, будучи диалектиком, постоянно отмечал, что историческое движение не может быть прямолинейным. Колесница истории, утверждал он, несётся по извилистой дороге, испещрённой рывтинами, косогорами, болотами³⁵. Исторический путь не подобен «тротуару Невского проспекта»³⁶. В записи «Дневника» от 20 января 1850 г. Чернышевский с помощью чертежа графически иллюстрирует свою мысль об извилистости пути исторического развития, полного взлётов и падений, движения вперёд и судорожных попыток вернуться вспять, успехов и поражений. Но, несмотря на зигзагообразность своего движения, человечество всё же, по глубокому убеждению Чернышевского, неуклонно идёт по пути прогресса. «История — вера в прогресс», — писал Чернышевский 2 августа 1848 г. в своём дневнике. Действие законов исторического прогресса

³¹ См. Чернышевский Н. Соч. Т. IV, стр. 475.

³² См. статью П. Я. Чаадаева, подготовленную в 1861 г. к напечатанию в «Современнике», которая не была пропущена цензурой и увидела свет только в 1928 г. в Саратовском юбилейном сборнике.

³³ Чернышевский Н. «Апология сумасшедшего» П. Я. Чаадаева. Неизданные тексты, материалы и статьи, стр. 65. Саратов. 1928.

³⁴ См. там же, стр. 54.

³⁵ См. Чернышевский Н. Соч. Т. IV, стр. 161.

³⁶ Там же. Т. VIII, стр. 37—38.

никем не может быть приостановлено. Оно осуществляется с такой же необходимостью, как постепенное выветривание скал, поднятие пара и падение дождя³⁷. «Девять десятых частей того, в чём состоит прогресс», совершается в «периоды усиленной работы»³⁸ — в революционные эпохи. Ещё в юношеские годы Чернышевский осознал, что революции знаменуют собой скачок в жизни народов, быстрое продвижение человечества по пути прогресса. «Я знаю, что без конвульсии нет никогда ни одного шага вперёд в истории»³⁹, — писал он в своём «Дневнике». Духом революционного оптимизма проникнуты высказывания Чернышевского и Добролюбова о закономерностях общественного развития. Тому, кто понял законы исторического прогресса, заявлял Чернышевский, кто уяснил неизбежность смены одних периодов другими, можно уверенно смотреть в будущее: «Он знает, что из реакции по необходимости возникает движение вперёд, что самая реакция prepares и потребность и средства для движения. Он не мечтает о вечном продолжении дня, когда поля облигы радостным, тёплым светом солнца. Но когда охватит их мрачная, сырая и холодная ночь, он с твёрдой уверенностью ждёт нового рассвета и, спокойно всматриваясь в положение созвездий, считает, сколько именно часов осталось до появления зари»⁴⁰.

В вопросе о факторах, определяющих исторический прогресс, высказывания Чернышевского и Добролюбова не свободны от противоречий. С одной стороны, как и все просветители, они решающую роль в общественном развитии отводили просвещению. С другой стороны, выходя за рамки просветительских воззрений, они основу прогресса видели в материальных условиях, в экономических интересах людей. В своих примечаниях к переводу «Введения в историю XIX века» Гервиниуса Чернышевский в явном противоречии с суждениями, характерными для просветителей, подчёркивает, что «и умственное развитие, как политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономической жизни»⁴¹. На значение «материальных условий быта», играющих «едва ли не первую роль в жизни», указывает Чернышевский в статье о Грановском⁴². «Во всех делах экономическая сторона очень важна», — пишет он в статье «Экономическая деятельность и законодательство»⁴³.

Не владея историческим материализмом, не уяснив закономерностей смены общественно-экономических формаций, Чернышевский и Добролюбов, разумеется, не могли иметь отчётливого представления о корнях исторического прогресса, не могли понять роль производительных сил в историческом процессе, в переходе от одной общественно-экономической формации к другой. Чернышевский ошибочно оценивал феодализм как регресс по сравнению с античным строем⁴⁴. Он в основном давал идеалистическую трактовку вопроса о происхождении крепостного права.

Не определив правильно характер феодального способа производства, Чернышевский установление крепостнических отношений приписывал главным образом влиянию царской власти⁴⁵. Он в целом не в силах был вскрыть истинные причины, приведшие к возникновению капитализма, а также вскрыть закономерности, обуславливающие неизбежность смены капитализма социализмом.

Однако во многих случаях Чернышевскому, как и Добролюбову, удавалось подниматься над историческим идеализмом. Многие их вы-

³⁷ См. Чернышевский Н. Соч. Т. V, стр. 490.

³⁸ Там же, стр. 491.

³⁹ Там же. Т. I, стр. 357. М. 1939.

⁴⁰ Там же. Т. V, стр. 491—492.

⁴¹ Чернышевский Н. Сборник статей, документов и воспоминаний. Историко-революционная библиотека «Каторга и ссылка». Кн. XXX, стр. 29. М. 1928.

⁴² См. Чернышевский Н. Соч. Т. II, стр. 409.

⁴³ Там же. Т. IV, стр. 441.

⁴⁴ См. там же. Т. VIII, стр. 166, 170.

⁴⁵ См. там же. Т. X. Ч. 2-я, стр. 301.

сказывания свидетельствуют о жадных поисках ими правильного решения вопроса об источниках исторического развития. Ограниченность же их исторических воззрений прежде всего обуславливалась тем, что вследствие отсталости тогдашних общественных отношений России идеологи русской революционной демократии не в состоянии были по-рвать с идеализмом в вопросах истории. Только Маркс и Энгельс смогли разработать подлинно научную теорию исторического процесса, распространить материалистические взгляды на историю человеческого общества.

В соответствии со своими общенсторическими воззрениями Чернышевский и Добролюбов рассматривали ход исторического развития России — от отдалённого прошлого до современных им событий, — обосновывая свою точку зрения на важнейшие вопросы истории страны, в особенности стоявшие в центре внимания общественных кругов России 50—60-х годов XIX века.

Исходную форму общественной организации древних славян, как и других народов, Чернышевский видел в общине. Он отрицательно относился к славянофильским взглядам на общину, как на нечто неизменное, как на воплощение религиозно-нравственной идеи, далёкой от мирских интересов. Его общинная теория в корне отлична от общинных воззрений славянофилов⁴⁶. В общине с течением времени, указывал Чернышевский, развивались отношения, чуждые родовому быту. Рядом с общинным владением стало возникать частное владение землёй, удельный вес которого постепенно всё более возрастал. Однако и в последующие века община сохранилась, хотя она «потеряла значение в общей государственной жизни»⁴⁷. В противовес Чичерину Чернышевский устанавливал преемственную связь между древней родовой общиной и позднейшей, сельской общиной.

Общинное устройство, по мнению Чернышевского, — это не только отражение прошлой жизни народов, не только основная черта его нынешнего быта, но и прообраз тех социальных отношений, которые в будущем восторжествуют в России.

Эти суждения Чернышевского о роли общины легли в основу его теории утопического социализма, подхваченной позже народниками, упорно цеплявшимися за слабые стороны воззрений великих русских революционеров-демократов.

Взгляды Чернышевского на общину как на форму народной жизни находятся в прямой связи с освещением им проблемы, выступавшей у него на первом плане при изучении хода исторического развития России, — проблемы народа и государства. Переходя к рассмотрению взглядов Чернышевского на эту проблему, остановимся прежде всего на его воззрениях на происхождение русского государства — вопросе, как известно, вызвавшем оживлённую полемику в середине XIX века.

Вслед за Белинским, едко высмеивавшим тех, которые начальный период истории Русского государства «меряют норманским футом вместо русского аршина»⁴⁸, Чернышевский выступил против норманской теории.

Ещё в начале своей публицистической деятельности Чернышевский весьма отрицательно отзывался о норманистах, указывая, что «сущность русской истории... заключается не в одном вопросе о происхождении варяго-русов»⁴⁹. Замечание Чернышевского в одинаковой степени адре-

⁴⁶ См. Сладкевич Н. К. вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой «Вопросы истории» № 6 за 1948 год.

⁴⁷ Чернышевский Н. Соч. Т. II, стр. 369.

⁴⁸ Белинский В. Соч. Т. IV, стр. 42 СПб. 1901.

⁴⁹ Чернышевский Н. Соч. Т. I, стр. 166.

совано было и представителям государственной школы и славянофилам, видевшим в действиях варягов исходный момент русской истории. Более резкую оценку норманистским воззрениям дал Чернышевский впоследствии в статье, откликнувшейся на диспут Погодина и Костомарова. Со всей определённою Чернышевский заявлял, что тот, кто имеет «хотя малейшее понятие о сравнительной филологии и о законах исторической критики, видит совершенную нелепость доказательств, которыми старые учёные подтверждали норманство Руси»⁵⁰. Норманистскую теорию Чернышевский относит к хламу, от которого историкам надлежит как можно скорее освободиться, «чтобы всем стало видно, что это именно хлам, ничего не стоящий, ни к чему не годный»⁵¹. Так же оценивал норманистские взгляды и Добролюбов. С большой сатирической силой обличал он на страницах «Свистка» яркого поборника норманизма Погодина, иронически отмечая, что последний «победоносно почил на норманском вопросе», обнаружив немалое умение «мешать со вздором небыллицы»⁵². В статье «Русская цивилизация, сочинённая Г. Жеребцовым», Добролюбов подверг критическому рассмотрению и суждения Жеребцова о начальном этапе государственности на Руси. Полностью придерживаясь схемы, прочно утвердившейся в исторической литературе со времени Байера и Шлецера, Жеребцов, естественно, совершенно не мыслит себе возможности возникновения княжеской власти на Руси помимо варягов. «Ему, кажется, очень хочется, — писал Добролюбов о Жеребцове, — чтобы «всякое княжье» не могло происходить иначе, как от Рюрика». Мнение, разделяемое Жеребцовым, представляется Добролюбову лишённым всякой основательности. Слова «князь» и «муж», заявляет Добролюбов, существуют в славянском языке «без всякого отношения к родословному древу Рюрика». «Летописи, — замечает он далее, — также нередко говорят о князьях, которые никак не могут быть отнесены к лицам варяжского происхождения»⁵³. По убеждению Добролюбова, княжеская власть возникает среди славян вне всякой связи с деятельностью варягов.

Приняв участие в полемике по вопросу о происхождении Руси, развернувшейся в 1860 г. между Погодиным и Костомаровым, Чернышевский и Добролюбов главный свой удар направили против Погодина как одной из ведущих фигур реакционных слоёв России, о котором у них сложилось вполне определённое мнение как о соратнике, а затем и прямом преемнике Булгарина. Чернышевскому и Добролюбову совершенно ясна была политическая острота споров по норманскому вопросу, усилившихся в предреформенный период⁵⁴. Они видели, что норманская теория используется царизмом в его борьбе против угрозы революции в стране. В высказываниях же Погодина реакционная сущность норманизма выступала в самой обнажённой форме. В период революционной ситуации 1859—1861 гг. перед Чернышевским и Добролюбовым выдвигалась настоятельная задача — разоблачить погодинскую концепцию происхождения русского государства, весьма сходную со славянофильской, концепцию, отрицавшую борьбу в русской истории «земли» и «власти» (как черты, якобы чуждой духу русского народа с самого зарождения его государственности, призванной в лице варягов в качестве силы, оберегающей его спокойствие) и приписывающую русскому народу аполитичность, смирение и покорность.

⁵⁰ Чернышевский Н. Соч. Т. VI, стр. 241—242.

⁵¹ Там же, стр. 242.

⁵² Добролюбов Н. Соч. Т. VI, стр. 98, 156. М. 1939.

⁵³ Там же. Т. III, стр. 248.

⁵⁴ Следует также иметь в виду, что ещё большую злободневность споры по норманскому вопросу приобрели тогда в связи с приближением так называемого «тысячелетия Руси» (862—1862), вокруг подготовки празднования которого была поднята большая шумиха, имевшая своей целью повысить авторитет царской династии и укрепить позиции самодержавия в стране.

Вскрывая подлинную сущность погодинско-славянофильской схемы происхождения русской государственности, Чернышевский и Добролюбов оказывали поддержку Костомарову в его спорах с Погодиным. Оппозиционные оттенки, обнаруживающиеся в работах Костомарова, видевшего в основе русского исторического процесса не мирное развитие, не гармоническое единство царя с народом, а постоянные столкновения вечового и единодержавного начал, располагали к нему Чернышевского и Добролюбова. Чернышевский неоднократно писал о научных достоинствах трудов Костомарова. Но, высказываясь в пользу Костомарова и не раз отмечая, что он и по своей научной эрудиции стоит неизмеримо выше Погодина, Чернышевский и Добролюбов, однако, не разделяли многих его взглядов, в частности и его суждений о литовском происхождении «руси». Правда, в разгар полемики с Погодиным они не считали целесообразным со всей ясностью сказать о своих расхождениях с Костомаровым, опасаясь, что это может быть использовано Погодиным для ослабления позиций Костомарова. Но и тогда они дали понять читателям «Современника», что далеко не во всём солидаризируются с Костомаровым. Об этом, в частности, свидетельствует ряд замечаний, сделанных Добролюбовым в статье о сочинении Погодина «Норманский период в русской истории». Отмечая, что суждения Костомарова стоят выше «скандинаво-мистических воззрений» Погодина, Добролюбов вместе с тем указывал, что «степень решительности и несомненности» выводов Костомарова в вопросе о происхождении термина «русь» для него ещё не ясна⁵⁵. Мимо внимания Добролюбова не прошло и то, что исследования Костомарова вообще носят этнографический характер.?

Чернышевский и Добролюбов не дошли до понимания того, что в основе образования государства лежит деление общества на классы. Однако причины, обусловившие собой создание государственности, они настойчиво искали внутри самого общества, в экономических условиях жизни людей, а не во влиянии внешних сил. Воззрения, имевшие большое распространение в русской исторической науке, согласно которым государственная власть на Руси стала основываться пришельцами, были чужды как Чернышевскому, так и Добролюбову.

В высказываниях Чернышевского и Добролюбова о возникновении государственности на Руси, о роли государственной власти в истории страны главное место занимал вопрос о взаимоотношениях государства и народа.

Со времени падения Киевского государства начался, по мысли Чернышевского, период раздробления Руси. Раздробление происходило по «вотчинному праву». В течение более чем четырёх веков шла борьба «вотчинного начала» с «республиканским — вечевым», закончившаяся победой первого. Установление единовластия датируется Чернышевским в его замечаниях на труд Кинглека временем Ивана III⁵⁶.

Говоря о причинах, способствовавших созданию Московского государства, Чернышевский на первый план выдвигал стремление русского народа к национальному единству, в котором он видел одну из характернейших черт русской истории. «Сознание национального единства», бравшее верх «над провинциальными стремлениями»⁵⁷, помогло, по мнению Чернышевского, покончить с раздробленностью и обеспечило сплочение русских земель вокруг Москвы. Народ создаёт национальное единство, а не монархи, утверждал Чернышевский. При ознакомлении со статьёй Чернышевского «Чичерин как публицист», в которой отмечалось, что французы обязаны созданием своего государства не королям, а «своему собственному стремлению соединиться в одно государство»⁵⁸,

⁵⁵ См. Добролюбов Н. Соч. Т. V, стр. 362—363. М. 1941.

⁵⁶ См. Чернышевский Н. Соч. Т. X. Ч. 2-я, стр. 130, 166.

⁵⁷ Там же. Т. II, стр. 541.

⁵⁸ Чернышевский Н. Соч. Т. IV, стр. 480.

у читателя, несомненно, напрашивается параллель между историей французской и русской государственности. По цензурным условиям Чернышевскому гораздо удобнее было пояснить свою мысль об определяющей роли народа в деле объединения страны на примерах из истории французского абсолютизма, чем сделать это на фактах, взятых из истории России. У Добролюбова, конечно, были все основания, касаясь рассматриваемой нами статьи Чернышевского, указать читателям, «что и к истории Московского княжества можно относить некоторые из объяснений, сделанных г. Чернышевским относительно французской централизации»⁵⁹. Что вкладывалось Чернышевским и Добролюбовым в понятие «централизация»? Ещё в статье о сочинении Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке» Чернышевский писал, что он отличает «централизацию» от государственности и находит Англию и Северо-Американские Штаты государствами, не знающими «централизации». Статьи «Чичерин как публицист», «Непочтительность к авторитетам» не оставляют сомнений, что Чернышевский, как и Добролюбов, под «централизацией» подразумевал самодержавие, самодержавно-бюрократическую форму правления. Не отрицая иногда полезности «централизации» («...централизаторы были в тысячу раз лучше феодалов»⁶⁰, — писал Чернышевский в одной из статей), он в целом оценивал её роль в истории как отрицательную. Чернышевский не признавал за «централизацией» заслуг в создании русского национального государства.

Не «централизация», а сам русский народ — великий народ, имеющий, как писал Чернышевский, «силу дать себе всё, чего серьёзно захочет»⁶¹, — создал политическое единство и добился величия России. Народ был главным действующим лицом крупнейших исторических событий. Он принял на себя удар татарских орд, сдержав напор их на «мощной вые своей»⁶², прикрыв своей грудью Западную Европу, и в упорной борьбе сокрушил монгольское иго. Ему Москва обязана своим освобождением от поляков. Его патриотизм, проявленный в войне с Наполеоном, обеспечил разгром вражеских полчищ.

Не грудно видеть, что Чернышевский односторонне подошёл к рассмотрению вопроса об образовании централизованного феодального государства, не сумев понять, что на определённом историческом этапе великокняжеская власть являлась прогрессивной силой политического объединения страны. Вспомним указание Энгельса о роли королевской власти, выступавшей, по его словам, «представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»⁶³. В статье «Непочтительность к авторитетам», относящейся к 1861 г., Чернышевский, полемизируя с Чичериным, заявлял, что и преодоление раздробленности, и освобождение русских земель от татар, и «возникновение национального единства» происходили совершенно независимо от «централизации»⁶⁴.

С другой стороны, выдвигая на первый план стремление русского народа к национальному единству, Чернышевский исходил из идеалистической точки зрения: ему были неясны экономические и политические процессы, на базе которых выросло «сознание национального единства» и которые привели к созданию централизованного феодального государства. Но это не умаляет огромного значения концепции Чернышевского, правильно выдвинувшей на первый план роль народных масс в деле ликвидации феодальной раздробленности.

⁵⁹ Добролюбов Н. Соч. Т. II, стр. 488. Гиз. 1935.

⁶⁰ Чернышевский Н. Соч. Т. III, стр. 402.

⁶¹ Там же. Т. II, стр. 405.

⁶² Чернышевский Н. Литературное наследие. Т. II, стр. 44. Гиз. 1928.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 445.

⁶⁴ Чернышевский Н. Соч. Т. VIII, стр. 204—205.

В то время как дворянские и буржуазные историки говорили о народе как о пассивном материале, уподобляя его, как Кавелин, «калужскому тесту», или же с пренебрежением отворачивались от него, заявляя, что предпочитают иметь дело с его «представителями» из числа «лиц правительственных»⁶⁵, как это делал Соловьёв, вожди русской революционной демократии 50—60-х годов XIX в. в народных массах видели главную силу истории, долженствующую, по их мнению, занять по праву принадлежащее ей центральное место и в исторической науке.

Дворянской и буржуазной исторической науке с её апологией «централизации» — самодержавного правления — революционные демократы противопоставили свой взгляд на ход исторического развития, выдвинув на первый план народ — подлинного творца исторического процесса. Вопрос о роли народа в истории страны явился основным стержнем борьбы Чернышевского и Добролюбова с дворянско-буржуазной историографией.

По мере обострения классовых противоречий и углубления идейного размежевания в общественных кругах страны всё враждебнее относились Чернышевский и Добролюбов к поборникам государственной концепции русской истории. Если в 1856 г. Чернышевский, откликаясь на появившиеся в печати первые работы Чичерина, отмечая их «существенные недостатки» и своё расхождение с суждениями их автора, вместе с тем писал и о «достоинствах» этих сочинений, позволяющих надеяться на полезность будущих исследований автора, то уже в «Современном обозрении», помещённом в № 9 «Современника» за 1857 год, он почти не говорил о «положительных» сторонах работ Чичерина, не скрывал своего враждебного отношения к нему как к яркому приверженцу «централизации»⁶⁶. В статьях же 1859—1862 гг. он полностью разоблачал Чичерина, обрисовывая его как проповедника «теории застоя», защитника самодержавного режима, как историка, видящего своё назначение, по словам Чернышевского, в том, чтобы «философскими построениями доказать историческую необходимость каждого предписания земской полиции, сообразно теории беспристрастия»⁶⁷, — словам, перекликающимся с известным замечанием, сделанным Герценом Чичерину: «Зачем вы хотите быть профессором... вы должны быть министром»⁶⁸.

Едва ли можно сомневаться в том, что, выступая против Чичерина, идеологи революционной демократии направляли свою критику и против всей государственной школы. Высказывания Чернышевского о Чичерине в значительной мере относились и к Соловьёву, которого по его основным воззрениям Чернышевский в начале 60-х годов не так уже отделял от Чичерина, как это представляется Н. Л. Рубинштейну⁶⁹. Чернышевский и Добролюбов признавали большие заслуги Соловьёва в разработке русской истории. Соловьёв привлекал их тем, что он проводил в своих трудах идею закономерности исторического процесса и понимал, что каждое явление в развитии человечества «должно быть объяснено исторически»⁷⁰. Они сочувственно в целом относились к выступлениям Соловьёва против представителей «антиисторического направления» — деятелей славянофильской группы. Как положительный факт Добролюбов отмечал, что «школа г. Погодина давно уже заслонена у нас школой г. Соловьёва»⁷¹. Но и в Соловьёве они видели представителя враждеб-

⁶⁵ Соловьёв С. Соч. стб. 1123—1124. Изд. «Общественная польза».

⁶⁶ См. Чернышевский Н. Соч. Т. II, стр. 364—365, 539—540; т. III, стр. 402—403.

⁶⁷ Там же. Т. IV, стр. 436.

⁶⁸ Герцен А. Соч. Т. XIII, стр. 228.

⁶⁹ См. Рубинштейн Н. Сергей Михайлович Соловьёв. 1820—1879. «Историк-марксист» № 3 за 1940 год, стр. 93.

⁷⁰ Соловьёв С. Шлецер и антиисторическое направление. Соч., стб. 1584. Изд. «Общественная польза».

⁷¹ Добролюбов Н. Соч. Т. II, стр. 412.

ного лагеря. Это обнаруживается уже в первых их отзывах о его работе. В рецензии 1854 г. на вышедший очередной, IV том «Истории России» Соловьёва Чернышевский заявлял о своём несогласии со взглядами автора на роль колонизации в русской истории. В противоположность Соловьёву Чернышевский высказывал мнение «о незначительности стремления наших предков к переселению»⁷². В последующих своих статьях он неоднократно подчёркивал своё отрицательное отношение к колонизационной теории.

Как известно, вопрос о колонизации занимает большое место в трудах Соловьёва. По мнению Соловьёва, колонизация, приводившая к ослаблению внутренних связей населения, в качестве своего противоядия диктовала необходимость существования сильной государственной власти — «централизации», без которой «всё бы распалось и разбрелось»⁷³. Колонизационная теория служит у Соловьёва и целям обоснования и оправдания захватнической политики царизма.

Таким образом, выступая ещё с самого начала своей публицистической деятельности с критикой колонизационной теории, Чернышевский высказывался не по какой-либо частной проблеме «Истории России» Соловьёва, а по вопросу, проливавшему свет на историческую концепцию Соловьёва в целом.

Не по частному вопросу выступил с критикой Соловьёва в 1859 г. и Добролюбов. Рассматривая «Учебную книгу русской истории» Соловьёва, Добролюбов нашёл, что у автора заметен особо повышенный интерес к князьям — их родственным связям и бесконечным распрям. И при незнании «всех подробностей удельной кутерьмы», укоризненно заключал Добролюбов, не будет «решительно никакого пробела в исторических знаниях человека»⁷⁴. В конце 1860 г. Чернышевский поместил в «Современнике» статью Елисеева (под псевдонимом Грыцько) о VII и VIII томах «Истории России», в которой с позиций революционной демократии была подвергнута резкой критике историческая концепция Соловьёва. Соловьёв характеризовался в ней как историк, которого занимают «государство и территория его, а не народ». «Вопрос о внутреннем состоянии и развитии народа, — писал Елисеев, — всегда считался только курьёзом, о котором говорили в тех же клеточках, в которых говорилось о пушках, о монете, о войске и т. п. Этим же самым недостатком страдает и история г. Соловьёва»⁷⁵. Автор статьи обвинял Соловьёва в том, что он в розовых красках рисует жизнь народа и апологетически относится к «московской централизации». «Вообще в некоторых отношениях г. Соловьёв, — говорилось в статье, — является таким же панегиристом в своей истории, каким был Карамзин. Как Карамзин идеализировал всю нашу древнюю жизнь, так г. Соловьёв идеализирует московскую власть, не обращая внимания на средства, которые она употребляла для собирания земли русской... Следя по истории г. Соловьёва за тем, как постепенно, день ото дня всё более и более крепнет власть в руках централизующей силы, невольно обманываешься и думаешь, что вместе с тем также быстро возрастает и внутреннее благосостояние и развитие народа. На самом же деле оказывается вовсе не то»⁷⁶. Спустя год и сам Чернышевский в своей статье «Русский реформатор», подобно Елисееву, отозвался о Соловьёве как о защитнике «бюрократической централизации». Он поставил его имя рядом с Чичериным, рассматривая их обоих как лиц, принадлежащих к одному течению политической мысли в России, к одной и той же исторической школе»⁷⁷.

⁷² Чернышевский Н. Соч. Т. I, стр. 162.

⁷³ Соловьёв С. История России. Кн. 3-я, стб. 645.

⁷⁴ Добролюбов Н. Соч. Т. IV, стр. 329. М. 1937.

⁷⁵ «Современник». Т. 84 за 1860 год, стр. 71.

⁷⁶ Там же, стр. 68—69.

⁷⁷ См. Чернышевский Н. Соч. Т. VIII, стр. 293.

В противовес дворянско-буржуазной историографии, рассматривавшей самодержавие как силу, якобы стоящую над классами, революционные демократы неизменно отстаивали свой взгляд на царскую власть как на выразительницу интересов дворянства. Чернышевский понимал, что «всегдашним правилом власти было опираться на дворянство»⁷⁸. О классовом характере царизма писал он и в своём воззвании «Барским крестьянам», отмечая, что не усматривает разницы между интересами царя и помещиков («что он, что они — всё одно») ⁷⁹. О противоположности интересов помещичьего государства и народных масс писал Добролюбов в рецензии на литературный сборник «Весна», указывая, что он не отождествляет дело «централизации» со стремлениями народа. «Мы, вовсе не заботясь о централизации, — указывал Добролюбов, — совершенно отделяем её дело от дела народа»⁸⁰.

Выступая непримиримым врагом «централизации» самодержавного правления, Чернышевский и Добролюбов, однако, не становились на позиции сторонников анархических воззрений. В отличие от приверженцев прудонистско-бакунинских взглядов они не отрицали необходимость государства, не рассматривали всякое государство как зло. Известна оценка, данная Чернышевским Прудону в его письме из Виллойска от 24 ноября 1873 г., в котором последний охарактеризован им как «невежда и нахал», кричавший без разбора всякую чепуху⁸¹.

Государство, по убеждению Чернышевского, не является вечной категорией, но до тех пор «пока существует несообразность между средствами удовлетворения человеческих потребностей и самими потребностями»⁸², общество не сможет обойтись без государства. Чернышевский — противник самодержавного государства. Его далеко не привлекает и буржуазное государственное устройство, но он ярый поборник государства, могущего стоять на страже интересов народа. В этой связи значительный интерес представляет замечание Плеханова о расхождении между Чернышевским и Шаповым по вопросу о роли государства. В отличие от Шапова, отрицательно относившегося ко всякому государственному вмешательству в общественную жизнь, Чернышевский, как отмечает Плеханов, высказывался за «энергическое воздействие» демократического государства на общественные отношения, в обязанности которого, в частности, им вменялась и защита общинного землевладения⁸³. Не как принципиальный антигосударственник выступал Чернышевский, ведя борьбу с представителями государственной школы, а как ярый враг царской власти, как великий демократ, глубоко ненавидевший помещичье государство. Высказывания Чернышевского и Добролюбова по вопросу о русской государственности являлись своеобразной реакцией против воззрений апологетов самодержавия. Следует вместе с тем подчеркнуть, что, высказывая в полемике с поборниками государственной концепции русской истории глубоко верные мысли о роли народных масс в историческом развитии, Чернышевский и Добролюбов, как мы уже отметили выше, не сумели, однако, подойти исторически к оценке деятельности государственной власти на Руси, оказались не в состоянии возвыситься до понимания огромного значения «объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством»⁸⁴. Своё отношение к самодержавно-крепостниче-

⁷⁸ Чернышевский Н. Соч. Т. X. Ч. 2-я, стр. 301.

⁷⁹ Чернышевский Н. Избранные экономические произведения. Т. II, стр. 611. Огиз. 1948.

⁸⁰ Добролюбов Н. Соч. Т. II, стр. 488.

⁸¹ «Чернышевский в Сибири». Вып. 1-й, стр. 82. СПб. 1912.

⁸² Чернышевский Н. Соч. Т. IV, стр. 447.

⁸³ См. Плеханов Г. Соч. Т. II, стр. 17; см. также Аристов Н., Шапов А. Соч., стр. 91—94. СПб. 1883.

⁸⁴ «Правда» от 7 сентября 1947 года. Приветствие товарища И. В. Сталина.

скому строю, к царизму, они целиком перенесли и на свою оценку роли государственной власти и в прошлые века, которая на протяжении всей своей предшествующей истории предстала перед ними с одной лишь своей теневой стороны, как носительница только гнёта и насилия, как сила, классово чуждая народным массам.

Известно, что у Чернышевского и Добролюбова не было и не могло быть чёткого представления о классах. Они не видели социального отличия рабочего класса от крестьянства. Под простолюдинами ими подразумевалась вся масса трудящихся. Имуущественное положение являлось для них основным критерием, определяющим принадлежность тех или иных лиц к трудящимся или к «высшим классам». Но всё же им удалось во многих случаях дать глубокий анализ общественных отношений и близко подойти к правильному пониманию значения классовой борьбы в истории человечества.

Чернышевский, от произведений которого, по словам Ленина, «веет духом классовой борьбы»⁸⁵, видел, что история заполнена столкновениями «простолюдинов» с «высшими сословиями». О борьбе аристократии с демократией как о постоянной тенденции истории писал Добролюбов⁸⁶.

Под пером революционных демократов история России впервые стала освещаться как история ожесточённой борьбы угнетённых с угнетателями, непрерывных столкновений помещичьего государства с народными массами. Резкой критике подвергли Чернышевский и Добролюбов славянофилов, в идиллических тонах обрисовавших отношения, сложившиеся в допетровской Руси. Не «гармония общественного развития», не «благоденствие народа», не «патриархальное хлебосольство» характеризуют допетровскую Русь, утверждал Добролюбов, а постоянные насилия, самоуправства со стороны князей и бояр⁸⁷. Царское законодательство — Судебники 1450 и 1550 гг., Уложение Алексея Михайловича и другие акты, знаменовавшие собой усиление крепостнического гнёта, — рассматривалось Добролюбовым как находящееся в явном противоречии с интересами народа⁸⁸. О произволе, обмане и беззаконии как о типичных чертах царской администрации, в течение веков нещадно грабившей народ, писал Чернышевский в своей рецензии на книгу Чичерина «Областные учреждения России в XVII в.»

История России, по мысли Чернышевского, изобилует яркими примерами того, как народ становился жертвой обмана «высших классов» и самодержавной власти, обращавшихся к его помощи в критические моменты жизни страны, а затем оставлявших его в прежнем приниженном состоянии. После подвига, совершённого в 1612 г. народом, освободившим Москву от польских интервентов, он «оставлен был в положении, хуже которого не было прежде». В награду за разгром Швеции в Северной войне и приобретение Балтийского побережья народ получил «рекрутчину и подтверждение крепостного права». В войне с Наполеоном народ добился для России первенства в Европе, а «сам был оставлен всё в прежнем положении»⁸⁹. Так, проследивая ход исторического развития России, Чернышевский видел в событиях, сыгравших большую положительную роль в судьбах страны, и их обратную сторону, показывавшую подлинную жизнь народных масс, ценой неисчислимых жертв принесших стране блистательные победы, плодами которых воспользовались главным образом «высшие классы».

⁸⁵ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 342.

⁸⁶ См. Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 267. М. 1936.

⁸⁷ См. там же, стр. 274—278.

⁸⁸ См. там же, стр. 277.

⁸⁹ Чернышевский Н. Соч. Т. X. Ч. 2-я, стр. 294.

Усматривая в изучении жизни народа основную задачу, стоящую перед историками, Чернышевский и Добролюбов с этой точки зрения подошли и к выяснению вопроса о петровских преобразованиях и исторической роли Петра I, вопроса, неоднократно являвшегося предметом острых споров между представителями различных течений русской общественной мысли.

д. Актуальность обсуждения в середине XIX в. этой проблемы обусловлена была тем, что воззрения на петровские преобразования в значительной мере определялись тогда тем или иным отношением к подготавливаемым и проводимым правительством Александра II реформам.

Известно, что, с точки зрения Соловьёва, петровские реформы должны были послужить наглядным образцом для реформ Александра II. Мудрость Петра I Соловьёв видел в том, что он своими преобразованиями предотвратил грозившие стране внутренние потрясения, в результате чего Россию миновали «печальные явления», которые с последних десятилетий XVIII в. постоянно сопутствовали истории Франции⁹⁰. Подобно Соловьёву, Кавелин высоко оценивал Петра I за его энергичную деятельность, направленную на борьбу со «смутами» и укрепление самодержавной власти, и отмечал, что петровские реформы приобретают особый интерес в свете «новых коренных законоположений», проводимых в жизнь в стране с 60-х годов⁹¹. Волнующие в то время помещичьи круги вопросы послужили исходным моментом в суждениях славянофилов о Петре I, которого они привлекали к ответу перед взыскательным судом потомства за оставление «русского пути», разрыв «нравственной связи» с народом. В отличие от историков так называемого западнического направления И. С. Аксаков охарактеризовал реформу 1861 г. как жест, переброшенный от современности к допетровской Руси, и обратился с призывом к правительству перевести столицу из Петербурга в Москву, чтобы тем самым ознаменовать его возвращение к идиллическим временам «союза власти с народом»⁹².

Чернышевский и Добролюбов выступили со своей трактовкой вопроса о петровских преобразованиях. По мере эволюции их социально-политических взглядов всё отчетливее определялось их принципиальное отличие от позиций представителей государственной школы и от взглядов сторонников славянофильской школы. Не освободившись полностью ещё от идеализации Петра I, не возвысившись до понимания классового характера его политики (порою даже оценивая Петра I как выразителя «народных стремлений»⁹³), Добролюбов, однако, уже на первом этапе своей публицистической деятельности стал порывать с воззрениями на петровское время, утвердившимися в исторической литературе. В противовес славянофилам, рассматривавшим реформы Петра I как акт провозглашения, учинённого монархом, как «внезапный скачок» в жизни страны, он указывал на органическую связь событий первой четверти XVIII в. с предшествующим периодом исторического развития страны, подготовившем почву для петровских преобразований.

Говоря о поборниках славянофильской школы, Добролюбов отмечал, что освещение, которое они дают петровским реформам, служит наглядным свидетельством их лжепатриотизма, их фактического неверия во внутренние силы народа и даже презрения к нему. «Какое унижающее понятие о целом народе сообщает он читателю, который вздумал бы поверить всему, что говорит он о реформе Петра,— писал

⁹⁰ См. Соловьёв С. История России с древнейших времён. Т. XIV, стб. 103—104.

⁹¹ См. Кавелин К. Соч. Т. I, стр. 587, 647.

⁹² Аксаков И. Соч. Т. II, стр. 76. СПб. 1891.

⁹³ Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 202—203.

Добролюбов о ревностном стороннике славянофильства Жеребцове, авторе сочинения об истории цивилизации России,— но что должен читатель подумать о русском народе и о всей русской истории, если он поверит г. Жеребцову, что Русь изменила своей народности и мгновенно приняла новые начала цивилизации, уступая произволу одного человека»⁹⁴.

Добролюбов осуждал и тех историков, которые представляли Петра I чуть ли не с колыбели обдумывающим планы своих будущих реформ, изображали его идеальным философом, восседавшим на российском престоле⁹⁵.

«С точки зрения народных выгод» смотрел Добролюбов и на события петровского времени. Он писал о тяжёлом гнёте, лежавшем на народе, о рекрутских наборах, налогах, каторжном труде десятков тысяч людей, сосружавших каналы, воздвигавших крепости и дворцы⁹⁶. Он видел, что петровская табель о рангах, выдвинувшая на первый план личные заслуги, нисколько не нарушила привилегии высшего сословия и что отдельные лица, вышедшие из низов и ставшие дворянами, «оставались едва заметными исключениями из целой массы»⁹⁷. Он отмечал также, что Пётр I, заботясь о культурном преуспеивании России, очень мало сделал для распространения просвещения среди народа.

Много высказываний о Петре I и его времени мы находим и в трудах Чернышевского. По мнению Чернышевского, сложные и бурные события петровской эпохи, как и сама личность Пётра I, вообще не подверглись ещё настоящему научному анализу. Ни «отчаянные панегиристы» Петра I, с одной стороны, ни ярые противники петровских деяний — с другой, не могли, по утверждению Чернышевского, дать правильную оценку петровскому времени.

«Бедный Пётр,— читаем мы в статье, напечатанной без подписи в 1861 г. в «Современнике» и принадлежащей, как это установлено несколько лет тому назад, перу Чернышевского,— когда-то он дожждётся для себя хоть сколько-нибудь сносного историка, который бы взглянул на него прямо и смело, с исторической точки зрения и определил бы настоящую цену и достоинства его исторической деятельности»⁹⁸. Подлинно научных трудов по истории, в частности о петровском времени, Чернышевский, как и Добролюбов, ждал от будущих исследователей, которые, выражаясь словами Чернышевского, сказанными им за несколько лет до смерти и дававшими исчерпывающую характеристику его основных взглядов на прошлое своей страны, подойдут к изучению петровской эпохи «с точки зрения существенных интересов русского населения тогдашнего государства»⁹⁹.

Следует заметить, что взгляды Чернышевского на Петра I претерпели в 50—60-х годах значительные изменения. В статьях его, относящихся к 50-м годам, мы находим ещё следы идеализации им значения Петра I. С начала же 60-х годов Чернышевский стал всё более критически относиться к Петру I.

Чернышевский далёк был от мысли видеть в Петре I деятеля, сумевшего совершенно изменить быт и нравы страны и, найдя её «листом белой бумаги, на котором можно написать что угодно», круто повернуть весь ход её жизни. «Были уже написаны на этом листе слова»,—заявлял Чернышевский, подчёркивая этим, что и до Петра I Русь имела свою

⁹⁴ Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 259.

⁹⁵ См. там же, стр. 194.

⁹⁶ См. там же. Т. IV, стр. 203.

⁹⁷ Там же. Т. I, стр. 229. Огиз. 1934.

⁹⁸ Чернышевский Н. Литературное наследие. Т. 25—26, стр. 210—211. М. 1936.

⁹⁹ Там же. Т. III, стр. 193. М.-Л. 1930.

историю, свои черты, свой характер, что в ней было «движение, а не совершенный застой»¹⁰⁰.

Отрицательно относился Чернышевский к тяготению Петра I к западным новшествам. Едко высмеивал Чернышевский Шевырёва и его единомышленников из круга «Москвитянина», горячо отстаивавших необходимость и таких преобразований Петра I, как «уничтожение российской бороды и российского кафтана»¹⁰¹. Заимствования Петра I, замечал Чернышевский, в сущности, коснулись внешней стороны жизни страны, не оказав серьёзного влияния ни на быт народных масс, ни на нравы и понятия дворянства: «Бороды сбрили, немецкое платье надели, но остались при тех же самых понятиях, какие были при бородах и старинном платье»¹⁰².

Замечания Чернышевского об отсутствии резкой грани между допетровской Русью и послепетровской, о сохранении прежнего уклада, насколько не затронутого западными новшествами Петра I, совпадают с мыслями, высказанными по этому вопросу и Н. А. Добролюбовым в известной его статье-рецензии на книгу Жеребцова. «Решительно не стоит убиваться из-за того, ежели в древности бояре в думе «сидели бороды свои уставя», а ныне чиновники в разных местах сидят, вовсе бород не имея,— иронически замечал Добролюбов, обращаясь к славянофилам.— Ведь они и без бород так же точно думают, и точно так же дело делают, как прежде делали с бородами»¹⁰³.

В последние годы своей жизни, возвращаясь к вопросу о реформах Петра I, Чернышевский говорил, что он не делает уступок «хвалителям Петра»¹⁰⁴. Он даже заявлял о своих сомнениях в полезности для страны петровских преобразований.

Только основоположники марксизма-ленинизма могли дать правильное освещение петровской эпохе, по достоинству оценить Петра I как великого деятеля, понявшего потребности своего времени, сделавшего смелую попытку «выскочить из рамок отсталости» (Сталин), и показать, что петровские преобразования, имея большое прогрессивное значение, вместе с тем отвечали интересам господствующих классов и проводились за счёт народных масс. Однако суждения Чернышевского о Петре I являлись для своего времени большим вкладом в развитие русской прогрессивной исторической мысли.

В суждениях Чернышевского о Петре I нельзя не видеть отражения его отношения к самодержавно-крепостническому гнёту, усилившемуся со времени Петра I, к деспотизму Петра I, отношения и к проводимым царизмом реформам, в частности к реформе 1861 г., отрицательная оценка которой переносилась им и на петровские преобразования. «Взглядом на реформу, произведённую вначале XVIII века, определяется взгляд на продолжение этой реформы до последнего времени»¹⁰⁵,— писал в 1861 г. Чернышевский. Кроме того в этих высказываниях можно заметить и осуждение Чернышевским увлечения Петра I иноземным, нашедшим своё яркое выражение в насаждении последним наряду с необходимым и того, что было и не нужным и чуждым России. Осуждение рабского отношения к Западу, усиленно прививавшегося со времени Петра I среди господствующих классов России,— одна из характерных черт русской революционной демократии.

¹⁰⁰ Чернышевский Н. «Апология сумасшедшего» П. Я. Чаадаева. Неизданные тексты, материалы и статьи, стр. 65.

¹⁰¹ «Литературное наследство». Т. 25—26, стр. 210.

¹⁰² Чернышевский Н. «Апология сумасшедшего» П. Я. Чаадаева, стр. 67.

¹⁰³ Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 283.

¹⁰⁴ Чернышевский Н. Литературное наследие. Т. III, стр. 193, 489.

¹⁰⁵ Чернышевский Н. «Апология сумасшедшего» П. Я. Чаадаева. Неизданные тексты, материалы и статьи, стр. 69.

Пытливо всматриваясь в историческую жизнь народных масс, Чернышевский и Добролюбов своим пронизательным взглядом не могли не видеть и растущего недовольства народа существующим порядком вещей, недовольства, которое нередко выливалось наружу и принимало форму открытых восстаний.

Вслед за Радищевым и Белинским они оценивали народные волнения не как анархию и бессмысленный бунт, как это изображалось дворянско-буржуазной историографией, а как выражение социального протеста угнетённых масс. «Глухое неудовольствие,— писал Добролюбов о народных волнениях XVII в.,— стало разряжаться открытыми восстаниями»¹⁰⁶. В трактовке Добролюбова и городские восстания середины XVII в. и движение Степана Разина явились ответом на насилия, учинённые над народом, поднявшимся на открытую борьбу, когда «мера терпения его истощилась»¹⁰⁷. Говоря о восстаниях, возглавленных Разиным и Пугачёвым, Добролюбов отмечал, что народные массы шли за своими вожаками, побуждаемые острым недовольством «обычным ходом жизни и существовавшими порядками». Хотя Добролюбов и не уяснил всей сложности обстановки, приведшей к стрелецким выступлениям 80—90-х годов XVII в., и не раскрыл характера стрелецких бунтов, он всё же в отличие от дворянских историков понял, что стрелецкие мятежи не могут быть объяснены только как плод интриги группировки Милославских, что почвой для них явились «насилия и корыстолюбия тогдашних правителей»¹⁰⁸. Изучение народных движений приводит Добролюбова к выводу, что «вообще не может один или даже и несколько человек произвести в массах волнение, к которому они не приготовлены, которое не бродит уже в умах их, вследствие фактов прошедшей жизни»¹⁰⁹.

Любопытную запись от 3 августа 1848 г. мы находим в «Дневнике» Чернышевского. Он передаёт свой разговор с В. П. Лободовским о возможности в скором времени революции в России и в этой связи о предстоящих крестьянских восстаниях, в частности восстании Емельяна Пугачёва. Эта запись, несомненно, явилась его откликом на обострение классовой борьбы в стране и бурные события в Западной Европе. Она свидетельствует о большом интересе Чернышевского — тогда ещё студента Петербургского университета — к крестьянским движениям в России. Чернышевский записал в дневнике сказанное ему Лободовским, что крестьяне «подымаются целыми сёлами», что восставшие под руководством Пугачёва «разбивали линейные войска, более чем они многочисленны». И особенно врезалась в память Чернышевского мысль, брошенная тогда вскользь Лободовским, что «единства нет» среди восставших»¹¹⁰. Если у Лободовского — человека, некоторое время стоявшего на радикальных позициях, а затем быстро эволюционировавшего вправо и ставшего крупным чиновником,— этот разговор едва ли мог запечатлеться, то для Чернышевского эта беседа, безусловно, имела значение, так как касалась очень интересовавшего его вопроса о крестьянских восстаниях в России.

Готовя себя впоследствии к роли вождя мятежного крестьянского люда, Чернышевский не раз потом обращался к вопросу о народных восстаниях. Он заинтересовался и вышедшей работой А. Попова «История возмущения Стеньки Разина», которую нашёл важной по привле-

¹⁰⁶ Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 198.

¹⁰⁷ Там же, стр. 128.

¹⁰⁸ Там же, стр. 161.

¹⁰⁹ Там же, стр. 166.

¹¹⁰ Чернышевский Н. Соч. Т. I, стр. 67. М. 1939.

вёному в ней новому фактическому материалу¹¹¹. Он интересовался и событиями, связанными с Жакерией, переплетавшейся с парижским восстанием 1356—1358 гг., возглавленным Этьеном Марселем. При этом Чернышевский, правда, в осторожной форме, высказывал мысль, что восстание восставших было бы полезно для Франции¹¹².

Уроки, почерпнутые из истории крестьянских движений, побуждали впоследствии Чернышевского писать в своём воззвании «Барским крестьянам» о необходимости тщательной подготовки к будущему восстанию и настойчиво советовать воздерживаться от выступлений, «покуда ещё нет готовности» и «единодушия». О понимании им ряда слабых сторон крестьянских восстаний говорит его обращение к народу, содержащееся в воззвании, начинать «доброе дело» сплочённо, организованно, «во всех местах в одну пору»¹¹³.

Идеологи крестьянской революции, страстно ждавшие «настоящего дня» — всенародного восстания, — не могли, конечно, не проявлять особого интереса к историческим событиям, отмеченным повышенной активностью народных масс к их попыткам в прошлом освободить себя от феодально-крепостнического гнёта. Освещение прошлой борьбы народных масс России должно было, по мысли революционных демократов, принести народу неопределимую пользу и в современной борьбе за свободу и облегчить победу ожидаемой в ближайшее время революции в стране. Революционными демократами было положено начало разрешению проблемы крестьянских войн в истории России.

Рассмотрение хода развития страны, с точки зрения интересов народных масс, обусловило собой и то, что Чернышевский и Добролюбов сумели дать глубокий анализ и ряду важнейших вопросов истории России XIX в., не только не вошедших в круг научных интересов современных им историков, но, как известно, не ставших предметом сколько-нибудь серьёзного изучения и позднейших представителей русской буржуазной исторической науки.

Из проблем истории России XIX в., привлекавших внимание идеологов революционной демократии, на первый план выступает проблема кризиса крепостничества. Ни одна сколько-нибудь значительная черта, характеризующая состояние крепостнической России, не ускользнула из поля зрения Чернышевского: ни уменьшение производительности труда, подрывавшее основы хозяйственной жизни страны, ни усиление протеста народных масс против крепостного права, ни низкий уровень просвещения, ни рутинность техники, ни слабое развитие рыночных связей, ни рост паразитизма дворянского общества.

В крепостном праве Чернышевский видел одну из главных причин отсталости России. Его замечания на труд Кинглека свидетельствуют о том, что он хорошо понимал, насколько технико-экономическая отсталость страны обуславливала и её военную слабость.

В статьях по крестьянскому вопросу, написанных в предреформенные годы, Чернышевский неустанно доказывал, что дальнейшее сохранение крепостного права, стоящего на пути развития страны, чревато для неё гибельными последствиями.

Разумеется, понимание того, что крепостное право является злом русской жизни, не чуждо было, особенно после Крымской войны, и многим либеральным деятелям буржуазного и дворянского лагеря. Но они, стремясь к сохранению царской власти и помещичьего землевладения, не могли, конечно, видеть истинных путей исцеления России от её

¹¹¹ См. там же. Т. III, стр. 154.

¹¹² См. Чернышевский Н. Т. III, стр. 402.

¹¹³ Чернышевский Н. Избранные экономические произведения. Т. II, стр. 615. Огиз. 1948.

«внутренних язв». Их критика крепостничества носила узкий, классово ограниченный характер.

Отличительная особенность взглядов Чернышевского и Добролюбова на кризис крепостничества в России состоит в том, что они рассматривали его как выражение гнилости всей системы, покоящейся на крепостном праве, как кризис социально-экономических и политических отношений в стране и самой самодержавной власти. Связь крепостничества с самодержавием, по цензурным соображениям, названным Чернышевским «азиатством», отмечалась им в статье «Суеверие и правило логики». Резкой критике подверг он в «Письмах без адреса» представителей дворянско-буржуазных кругов, не видевших органической связи крепостного права со всей системой управления страной. О гнилости и фальшивости всего строя царской России говорил он устами Соколовского в «Прологе». Развязывание узла крепостнических отношений в России не мыслилось Чернышевским и Добролюбовым вне разгрома царизма восставшим народом.

Едва ли в каком-либо другом вопросе истории России XIX в. с такой ясностью сказалась сила исторического анализа Чернышевского, как в вопросе о расстановке классовых сил в стране в конце 50-х и начале 60-х годов. «Нужна была именно гениальность Чернышевского, — писал Ленин, — чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда ещё не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью её основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правила общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»¹¹⁴.

Чернышевский полностью отдавал себе отчёт в том, что врагами народных масс являются не только лица, стремящиеся к полному сохранению крепостнических устоев, но и представители либеральных кругов, высказывавшиеся за отмену крепостного права «силою старого порядка»¹¹⁵. Известно, что в конце 50-х годов он вообще не усматривал особой разницы между планами разрешения крестьянского вопроса как со стороны либералов, так и со стороны крепостников. Следует подчеркнуть, что действия либералов, настойчиво добивавшихся, чтобы царизм проведением реформы предотвратил революцию в стране, оценивались им как особенно вредные. В этой связи интерес представляет характеристика, данная Чернышевским в 1861 г. Сперанскому, к рассмотрению планов которого он, несомненно, подошёл под углом зрения своего отношения к реформе 1861 г. и к либералам, славословившим её. Мечтателем, наивно уповавшим на возможность осуществления преобразований сверху, обрисовывает он Сперанского в своей статье «Русский реформатор». В цензурной же купюре этой статьи он говорит о Сперанском значительно резче, указывая, что его реформаторская деятельность не вызывает у него восторга, ибо «она жалка, а сам он странен или даже нелеп»¹¹⁶. С особой силой разоблачил Чернышевский либералов в «Прологе», запечатлев в образе Рязанцева, прототипом которого явился Кавелин, наиболее яркие черты, присущие дворянско-буржуазному либерализму, наименовав Рязанцевых «болтунами, хвастунами, дурачьём»¹¹⁷. Реформам, которые Чернышевский уподоблял заплатам, сделанным на ветхой материи, он противопоставил идею крестьянской революции.

¹¹⁴ Ленин. Соч. Т. I, стр. 179.

¹¹⁵ Чернышевский Н. Соч. Т. X. Ч. 2-я, стр. 298.

¹¹⁶ «Литературное наследство» № 3. М. 1932. Запрещённые цензурой тексты Н. Г. Чернышевского, стр. 86.

¹¹⁷ Чернышевский Н. Соч. Т. X. Ч. 1-я, стр. 91.

Чернышевский видел, что помещичьему лагерю противостоит лагерь народных масс, что учащаются столкновения помещичьего государства с крестьянами, отказывавшимися признавать реформу, что усиливается брожение в прогрессивных кругах русского общества. горячо откликающихся на борьбу крестьянства против царской «воли», возмущённой актом 19 февраля 1861 года. «Возьмите, например, прошлый год, — писал Чернышевский о 1861 годе. — Смуты в Варшаве, смуты внутри России, загадочное появление программы, порицаемой одними, хвалимой другими, но принимаемой к сведению всеми (имеется в виду программа «Беликорусса». — Н. С.), небывалое движение молодёжи в самом Петербурге, страшная развязка этого движения (речь идёт о волнениях студентов Петербургского университета в 1861 г. — Н. С.)... вот сколько в один год новостей, из которых каждая передвигала общество всё дальше и дальше по одному направлению»¹¹⁸. Чернышевский верит в близость окончательной развязки, которая, по его глубокому убеждению, должна была завершиться полным крушением дворянского государства.

Проблема народа и государства, стоящая на первом плане исторических воззрений Чернышевского при анализе расстановки классовых сил в стране в середине XIX в., со всей отчётливостью раскрывается перед ним как проблема активной борьбы народных масс «за свержение всех старых властей»¹¹⁹, как проблема народной революции.

Одну из основных особенностей истории России XIX в. Чернышевский и Добролюбов видели в том, что в общественных кругах с течением времени всё более увеличивается прослойка людей, выступавших носителями идей, отражающих стремления народных масс, — идей, оплодотворяющих общественную жизнь страны.

Чернышевский и Добролюбов признавали большие заслуги Радищева — человека, стоявшего в преддверии XIX в. и завершившего собой развитие общественной мысли России предшествующего столетия. Им хорошо было известно его знаменитое «Путешествие...», о котором Добролюбов писал, что оно побудило правительство Екатерины II принять «столь сильные меры»¹²⁰. На убеждения Радищева, проникнутые духом патриотизма, указывал в статье «Прадедовские нравы» Чернышевский. Внимание Добролюбова, ещё 19-летнего юноши, было привлечено к демабристам, которым он посвятил статью в своей рукописной газете «Слухи».

Из представителей прогрессивной общественной мысли России Чернышевский и Добролюбов первое место отводили Белинскому. Идеи Белинского стали знаменем их борьбы. «И мёртвый жив, он между нами»¹²¹, — говорил Добролюбов о Белинском.

Являясь ближайшими преемниками и продолжателями традиций Белинского, Чернышевский и Добролюбов первыми начали и научную разработку наследства, оставленного основоположником русской революционной демократии. Они первые дали глубокое истолкование его роли в истории общественной мысли России, оценив Белинского как непримиримого борца «против неправды и застоя»¹²².

Бичующие слова Добролюбова, адресованные реакционному публицисту Вигелю, выразившему в своём письме к Гоголю сомнение в патриотизме Белинского, — одно из ярких свидетельств той ожесточённой борьбы, которую вели идеологи русской революционной демократии 50—60-х годов за наследство Белинского. «Он, безвестный, бездарный, ничего не сделавший остряк, автор парадоксальных записок о России, —

¹¹⁸ Чернышевский Н. Соч. Т. X. Ч. 2-я, стр. 304.

¹¹⁹ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 144.

¹²⁰ Добролюбов Н. Соч. Т. II, стр. 149.

¹²¹ Там же. Т. VI, стр. 255.

¹²² Там же. Т. I, стр. 203.

писал Добролюбов о Вигеле, — он осмелился выступить со словом чёрной клеветы на Белинского, на этого человека, который сгорал любовью к родине, который понимал и ценил её больше, чем тысячи Вигелей со всеми их друзьями и единомышленниками. Грустный факт, — но его не забудет будущая история русской литературы и русского развития»¹²³.

Чернышевский и Добролюбов вели непрерывную защиту Белинского не только от открытых врагов, но и от либеральных «друзей». В противовес оценке Белинского представителями либеральных кругов как ученика западноевропейских философов и представителя западничества Чернышевский обрисовывал великого русского критика глубоко оригинальным, самостоятельным мыслителем, намного опередившим свою эпоху. 40-е годы XIX в., отмеченные деятельностью Белинского, Герцена и их сподвижников, являлись для Чернышевского наглядным примером силы умственной жизни России, выдвинувшей людей, которые «самостоятельно подвергли критике гегелеву систему», не зависели в своих мнениях от «посторонних авторитетов» и «шли наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников»¹²⁴.

40-е годы, названные Чернышевским и Добролюбовым именем Белинского, рассматривались ими как важная веха в истории умственного развития России.

Особое значение имеют их суждения, связанные с проблемами истории общественной мысли в России, которые проливают свет на вопрос об истоках революционно-демократического направления, о его идейных корнях, идущих к Радищеву и Белинскому.

Значительный интерес представляют замечания Чернышевского о войнах России первой половины XIX в., об их характере и влиянии на судьбы страны. Исходной позицией Чернышевского в данном вопросе являлись осуждение им захватнических и грабительских войн и признание благотворности тех войн, которые ведутся народами за свою национальную независимость.

Останавливаясь на знаменательных событиях 1812 г., Чернышевский отмечал, что вторжение неприятельских полчищ в Россию являлось результатом развития «страшного военного могущества»¹²⁵ наполеоновской Франции, неудержимо рвавшейся к новым завоеваниям. Чернышевский и Добролюбов подчёркивали освободительный для России характер войны 1812 г., нанесшей смертельный удар Наполеону и открывшей новую эпоху в жизни страны. Мысль, высказанная Чернышевским о том, что «война 1812 года была спасительна для русского народа»¹²⁶, перекликается со словами Добролюбова, отмечающими величие подвига, совершённого народом в памятные дни борьбы с Наполеоном, — «в те дни, как русские спасали родную Русь от чуждых сил»¹²⁷. Лживой версии фран-

¹²³ Добролюбов Н. Соч. Т. V, стр. 298.

¹²⁴ Чернышевский Н. Соч. Т. II, стр. 201—202. Следует заметить, что в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский высказывает ошибочное суждение, датируя начало развития самостоятельной русской мысли временем Белинского. Повидимому, величие Белинского, рассмотрению взглядов которого главным образом и посвящены «Очерки», чувство глубокого уважения, которым проникнуты все страницы этой первой крупной работы Чернышевского, с такой силой подчеркнувшего в ней свою привязанность к Белинскому, горячая любовь одного из «преданных и благодарных учеников», заслонили здесь от Чернышевского предшественников Белинского. Сказалась, несомненно, также и слабая разработка во времена Чернышевского вопросов истории русской философской и общественно-политической мысли. Впоследствии Чернышевский стал отходить от высказанной им в «Очерках» точки зрения на этот вопрос. В статье об «Апологине сумасшедшего» П. Я. Чаадаева Чернышевский уже обнаруживает понимание того, что истоки самостоятельной русской мысли, отражающей черты своеобразия русской жизни, русского исторического процесса, ведут в глубь веков, ещё ко временам, намного отдалённым от периода петровских реформ.

¹²⁵ Чернышевский Н. Соч. Т. X. Ч. 2-я, стр. 59.

¹²⁶ Там же. Т. II, стр. 188.

¹²⁷ Добролюбов Н. Соч. Т. VI, стр. 214.

русских историков, искавших причины поражения наполеоновской армии в климатических особенностях России, — версии, подхваченной представителями русской дворянско-буржуазной историографии, а впоследствии и «школой» Покровского, — Чернышевский противопоставил своё убеждение в том, что к торжеству России в 1812 г. привели «патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев»¹²⁸.

Иную оценку дал Чернышевский Крымской войне. Хотя он и не мог, конечно, подобно Марксу и Энгельсу, уяснить всю сложность причин, приведших к войне, вскрыть всю глубину противоречий между воюющими державами, разобраться во всех дипломатических хитросплетениях, в частности в маневрах английского кабинета, он всё же хорошо видел, что кровавое побоище 1853—1856 гг. — результат столкновения захватнических интересов «высших классов» всех государств, участвовавших в войне. Именно эксплуататорские классы как виновников конфликта и имел в виду Чернышевский, когда в «Рассказе о Крымской войне по Кинглеку» писал о «публике», о «стотысячеголовой персоне», продиктовавшей свою волю «правителям государств»¹²⁹. Попутно заметим, что большое место в развязывании войны отводил Чернышевский Франции Наполеона III, старавшейся, по его словам, шумом своих внешнеполитических успехов отвлечь внимание народа «от внутренних постыдных дел»¹³⁰. Это суждение Чернышевского созвучно с мнением Маркса о злобной роли бонапартистской узурпации в разжигании Крымской войны¹³¹. «Публика» и «правители» вовлекли свои страны в войну, а не народные массы, поплатившиеся за неё жизнью сотен тысяч и разорением миллионов людей, — такова основная мысль, которую Чернышевский старался довести до читателей в своих замечаниях на труд Кинглека¹³².

В противовес Кинглеку, приписывавшему русским людям «наклонность захвата» чужих территорий, Чернышевский отмечал, что русскому народу, как и народам других стран, чужды агрессивные замыслы. Возражая Кинглеку, утверждавшему, что русский народ рассматривал войну как дело «святое и правое», Чернышевский указывал, что Кинглек обнаруживает полное неведение об истинных настроениях народа, об отношении которого к войне никак нельзя судить по высказываниям, исходящим из славянофильских или близко стоящих к ним кругов русской «публики». «Госпожа Павлова, г. А. Майков и даже истинный поэт г. Тютчев, — замечает Чернышевский, — стали писать стихи в том духе, какой Кинглек предполагает постоянно существовавшим в массе русской нации»¹³³. В «Рассказе по Кинглеку» Чернышевский ясно намекает на то, что война 1853—1856 гг. не могла вызвать подъёма в народных массах, ибо она велась в интересах, чуждых им.

Понимание того, что победа царизма укрепит крепостнический режим в стране и ослабит силы, стремящиеся к обновлению её, и побудило деятелей революционно-демократического лагеря во главе с Чернышевским и Добролюбовым занять в отношении царской России пораженческую позицию в Крымской войне. Ещё за много лет до написания «Пролога», в котором Чернышевский высказал мысль о полезности для страны военного разгрома царизма, он в одном из своих внешнеполитических обзоров за 1859 год на примере, взятом из жизни Австрии, показал, что история знает случаи, когда народы могут только выиграть от военного поражения «своих» правительств. «В Западной Европе, —

¹²⁸ Чернышевский Н. Соч. Т. II, стр. 330.

¹²⁹ Там же. Т. X. Ч. 2-я, стр. 173.

¹³⁰ Там же, стр. 124.

¹³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 637.

¹³² См. Чернышевский Н. Рассказ о Крымской войне, по Кинглеку, стр. 305—306. М. 1935.

¹³³ Чернышевский Н. Соч. Т. X. Ч. 2-я, стр. 131—132.

писал Чернышевский,— покажется ненатуральным и невероятным, чтобы даже австрийские немцы считали несчастьем для государства тот случай, когда их правительство одержало бы победу, и надеялись добра только от поражений своей армии. Но мы совершенно понимаем это чувство»¹³⁴ (разрядка моя. — Н. С.). Чернышевский довольно ясно говорит здесь и о настроениях прогрессивных слоёв России в период Крымской войны, желавших поражения царского правительства. Военное поражение царизма должно было, по убеждению Чернышевского и Добролюбова, послужить толчком к пробуждению народных масс, к развязыванию революционных сил в стране.

С победой революции связаны были все мысли Чернышевского и Добролюбова о будущем своей страны. Вне победы революции они не видели возможности осуществления переустройства жизни России, ликвидации её отсталости и быстрого продвижения её по пути исторического прогресса.

Победа крестьянской революции, по мнению Чернышевского и Добролюбова, должна была явиться началом социалистического преобразования страны. По убеждению Чернышевского и Добролюбова, России надлежит идти по пути революционной ломки существующих порядков «с большей решимостью, спешностью и твёрдостью», чем шествовали народы Запада¹³⁵. Возможность использования опыта, накопленного человечеством в борьбе за осуществление идеалов справедливости, даёт, по словам Добролюбова, России дополнительные преимущества в том, чтобы «итти решительнее и твёрже» Запада¹³⁶.

Чернышевский и Добролюбов считали, что пути развития России, подчиняющемуся общим закономерностям исторического мирового процесса, вместе с тем присущи будут и свои особенности. Это будет не тот «самобытный» путь, который проповедовали славянофилы, и не путь, копирующий развитие капиталистического Запада, который отстаивали представители буржуазных слоёв России,— а путь социализма. «Наш путь будет лучше»¹³⁷, — заявлял Добролюбов.

Идеологи революционных слоёв России середины XIX в., у которых, как отмечал Ленин¹³⁸ демократизм сливался с социализмом (утопическим социализмом), приходили к выводу, что Россия, идя самым передовым и революционным путём, опередит Запад в разрешении вопросов социального переустройства.

Их ошибка заключалась в том, что они считали возможным переход России к социализму в условиях 1860-х годов и связывали этот переход с крестьянской революцией.

В гигантских силах, таящихся в русском народе, в его героической истории, в мощном размахе его освободительной борьбы против феодально-крепостнического строя черпали великие русские патриоты Чернышевский и Добролюбов свою веру в Россию, в её великую роль в истории человечества. Вдохновлённые мечтой о грядущем своей Родины, они мысленно переносили себя в светлое будущее, когда, по пророческим словам Добролюбова, «глазам Европы изумлённой предстанет русский исполин и на Руси освобождённой явится русский гражданин»¹³⁹.

В статье «Карл Маркс» Ленин указывал на два основных недостатка домарксистских исторических теорий: 1) непонимание определяющего

¹³⁴ Чернышевский Н. Соч. Т. V, стр. 315.

¹³⁵ См. Добролюбов Н. Соч. Т. II, стр. 273.

¹³⁶ См. там же. Т. IV, стр. 402.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ См. Ленин. Соч. Т. I, стр. 170.

¹³⁹ Добролюбов Н. Соч. Т. VI, стр. 227.

значения материального фактора в исторической деятельности людей, игнорирование роли масс в историческом процессе¹⁴⁰. Оставаясь в основном на позициях идеалистического понимания истории, Чернышевский и Добролюбов, однако, шли уже по пути освобождения от пороков домарксистских исторических теорий, отмеченных Лениным. В трудах Чернышевского, указывал Ленин, имелся «зачаток исторического материализма»¹⁴¹. Наибольшее приближение к историческому материализму обнаруживается у Чернышевского и Добролюбова в их взглядах на роль народных масс в истории. История раскрывалась перед ними не как перечень деяний царей и князей, а прежде всего как история народных масс, вынесших на своих плечах тягчайший груз испытаний. Через все их высказывания красной нитью проходит мысль о народе как о субъекте, а не об объекте исторического процесса.

Отмечая в письме к Паприц, что историческая и критическая школа в русской литературе «стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»¹⁴², Энгельс давал высокую оценку прогрессивному направлению русской исторической мысли середины XIX в., к крупнейшим представителям которого он, как и Маркс, относил идеологов русской революционной демократии — Чернышевского и Добролюбова.

И в трактовке проблемы соотношения масс и личности в истории, и в понимании общих закономерностей исторического развития, и во взглядах на роль классовой борьбы в истории, и в своих воззрениях на ряд конкретных вопросов истории России и Западной Европы Чернышевский и Добролюбов значительно опередили современную им, домарксистскую историческую науку. Выдвинутая ими историческая концепция, отличительными особенностями которой являются патриотизм, демократизм, революционная заострённость, оптимизм, устремлённость в будущее, была высшим достижением домарксистской исторической мысли. По глубине исторического анализа Чернышевский и Добролюбов не имели себе равных среди современных им представителей русской и западноевропейской домарксовой исторической мысли.

Основная линия развития передовой исторической мысли России в середине XIX в. проходит не через академическую, университетскую историческую науку, а через революционно-демократическое направление. Борьба идеологов русской революционной демократии против дворянско-буржуазной историографии, пропаганда ими своих исторических взглядов оставили глубокий след в развитии русской передовой исторической мысли, подготавливали почву для утверждения в России марксистско-ленинской исторической науки.

¹⁴⁰ См. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 13.

¹⁴¹ Ленин. Философские тетради, стр. 54. Огиз, 1947.

¹⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 389.